

— Всем ли... снились такие сны?

— По большей части. Все мои дети их видят.

Я смотрю вниз на себя. Кажется, что за время сна не прошло и минуты, а я уже вернулась в явь. Регалии, которые там носила моя тень, – на мне. Ткань невероятно легкая и странно, успокаивающе прохладная на ощупь. Тонкие черные перчатки облегают мои руки, как вторая кожа. Я делаю несколько нерешительных шагов вокруг кровати, заканчивая коротким прыжком. Ничто из затейливых нижних слоев наряда не мешает двигаться, и мои шаги в тяжелых кожаных ботинках не то чтобы совсем бесшумны, но они не стучат по твердому полу так, как я ожидала. Единственный звук, который они издают, – это трение, а не удар.

Я действительно чувствую себя другой, и изменилась гораздо сильнее, чем можно было бы предположить. Принять все новое довольно головокружительно, как если бы я пыталась видеть слепыми глазами и одновременно училась ходить.

Новые чувства проникают в самые уголки моего сознания. Я дышу, закрываю глаза и пытаюсь отрешиться от всего остального. Первое, что я замечаю, – это неосязаемую силу, текущую через меня. Она ощущается почти как текущая кровь – конечно, если бы я прекрасно чувствовала течение своей крови – и является такой же частью меня. Может быть, даже больше. Она поднимается из резервуара глубоко внутри меня, гулко отдаваясь во мне; поток, который никогда не иссякнет, бушующий и живой, бесконечно качаемый сердцем моей души. Она колет мои нервы, требуя выхода, желая проявиться. Если я дам ей волю, не смоет ли меня ее течением? От этой мысли у меня закрипели зубы.

Этим чувством я ощущаю другие, гораздо более слабые точки сущности, разбросанные по всем комнатам вокруг меня. Разрозненные иглы эмоций вонзаются в мое сознание, осторожно протыкая меня со всех сторон, как булавки в подушку. Другие люди? Кажется, что это так, но ощущение неполное. Я не заглядываю никому в душу. Я не могу узнать их по ощущениям, не могу ничего сказать о том, кто они и что они делают.

Но есть что-то еще. Я начинаю замечать это только тогда, когда пристально смотрю на одну точку, пытаюсь понять, отличается ли она от остальных хоть чем-то. Мое первое впечатление – гниющие фрукты, но, преодолев отвращение, я чувствую, чем это является – узлом боли, намотанным вокруг и через человека. Я могу понять и описать его, не испытывая на себе. Сердце этого человека медленно сдается. У того замирает дыхание. Душа, живущая несколькими комнатами ниже, уже не может питаться самостоятельно. Вокруг меня – ядра внутреннего разложения, и это единственный способ отличить одного человека от другого. Их зловоние становится тем сильнее, чем больше я обращаю на них внимания, и я возвращаю свое внимание в комнату, когда оно начинает меня захлестывать.

Вьюджи все еще стоит здесь, улыбаясь своей странной безмятежной улыбкой.

— ...Ты так и собираешься стоять здесь? — спрашиваю я. Как глупо, понимаю я после мгновения оцепенения. Конечно, она все еще здесь. Мое чувство времени полностью

нарушилось, и, вероятно, не пробыла Хранителем и минуты.

— До тех пор, пока ты нуждаешься во мне. На данный момент единственное, что я должна сделать, это направить тебя через эти первые шаги. Я понимаю, что большинство из них... дезориентируют тебя. Тебе что-нибудь нужно от меня сейчас?

Я не могу решить, с чего начать, поэтому останавливаюсь на универсальном вопросе.

— Да... конечно. Расскажи мне что-нибудь, что мне нужно знать. То, о чем я, возможно, даже не подумаю в данный момент.

— Хороший выбор. Все необходимые навыки приходят вместе с Обещанием, но ты должна знать вопросы, чтобы получить на них ответы, — она кивает и поднимает руку, раскрывая один лепесток, как будто перечисляет по пальцам.

— Первое. Ни один Хранитель не воспринимает мир одинаково, поэтому я не могу научить тебя многому о том, как работает твое восприятие и как лучше его использовать, но могу сказать одно: это незримое чувство - самый сильный инструмент для поиска и отслеживания Предвестников. Миазмы, которые образуются вокруг их жертв и мест силы... уникальны. Ты поймешь это, когда почувствуешь. Это держится недолго, но если ты поторопишься, то, возможно, успеешь выследить того, кого встретила ранее.

— Возможно. Но не будет ли это ужасной идеей, если я сразу же брошусь за ним? — и она, и мой сон сказали, что я буду знать все, что мне нужно, но это не то же самое, что наличие реального опыта. Я понятия не имею, существует ли базовая подготовка Хранителей, нужно ли мне потренироваться и освоиться, прежде чем я смогу сделать что-то стоящее и не опасаться мгновенной смерти.

— Это зависит от тебя. Я научу тебя всему, что смогу, но я не Хранитель. Я могу лишь рассказать, что каждый из вас может делать и для чего эти способности нужны. Церковь может найти тебе более подходящего наставника, если ты этого хочешь.

— Нет. Только в том случае, если мне это крайне будет нужно. Я делаю это не ради славы.

Публичные кумиры - это не для меня. У меня нет на это времени, и даже если бы оно у меня было, я не захочу этого. Мне не нужна поддержка Церкви, Фианатов или кого бы то ни было, из-за которой пришлось бы терпеть идиотов, врывающихся сюда и стучащихся в мою дверь с просьбами об интервью.

— Как хочешь. Многие мои дети считают так же. Если ты хочешь сохранить свою личную жизнь, я больше никому не скажу о тебе без твоего разрешения.

— Спасибо. Если я захочу с кем-то поговорить, я найду его сама. Что-нибудь еще?

Открывается еще один лепесток.

— Да. Во-вторых, какую бы форму ни приняла твоя магия, у тебя есть оружие, сотворенное из нее, наделенное ее силой, оружие, способное закрыть Раны в этом мире. Призови свое. Ты знаешь как.

И я это делаю. Я поднимаю руку с раскрытой ладонью и взываю к ней, ожидая подхватить то, что появится.

В мою руку не упал клинок. Вместо этого вокруг меня по орбите образуется кольцо ярко-зеленых пятнышек. Из крошечных огоньков они превращаются в длинные плоские прямоугольники, а затем свечение тускнеет, и каждый из них становится похожим на карту Таро. Изображения и сюжеты мне не знакомы - честно говоря, они настолько абстрактны, что трудно сказать, что это вообще такое, - но основной художественный стиль мне знаком: строгие черные линии и редкие всплески цвета, нигде нет человеческих фигур. А вот дизайн их задней части очень странный: два сложных белых символа, закручивающихся в спираль на темном фоне. Выглядит почти как искусная каллиграфия, но на незнакомом мне языке.

— Вьюджи, — говорю я ровным и размеренным голосом, — скажи, пожалуйста, как мне сражаться с монстрами с помощью карт.

— Я не знаю, это ты должна знать, — отвечает она. — Это твоя магия. Твои желания придали ей форму, а не мои.

— Я... ладно. Ты назвала их орудиями, прежде чем назвать их оружием. Разве это неправильно - думать о них как о чем-то, чем я могу просто швыряться или бить?

— В большинстве своем. Если твоя воля лучше всего выражается через более простой инструмент - меч для удара или щит для защиты, - то это и станет твоим оружием.

Хоть что-то. Не может же быть, чтобы они были просто бесполезны? Они не выглядят ни острыми, ни опасными, но в магии это мало что значит. Серебряный Король Ирида, нынешняя звезда местных Хранителей-кумиров, сражается отрядом воинов, которых она призывает из ничего и передвигает с помощью доски для сёги. Насколько более странным может быть оружие в виде Таро?

А что, собственно, я могу с ними делать? Я могу изменить, ускорить или замедлить орбиту карт одним движением мысли, так же легко, как я могу подергать пальцем. Приложив чуть больше усилий, я могу взять под контроль одну карту из кольца и отправить ее в полет. Мне не нужно ни прикасаться к ней, ни бросать ее, ни управлять ею с помощью размашистых жестов и шевеления пальцами, как это иногда изображают в сказках о магии. Разобравшись, как это работает, я вытаскиваю из кольца еще одну, потом еще и еще, изо всех сил стараясь перемещать их все одновременно. И лишь когда от непривычной стимуляции у меня начинает кружиться голова, я позволяю им выскользнуть из-под моего контроля и упасть на пол, а сама сажусь на кровать, лениво поглаживая Пёрл, пока голова не перестает кружиться. Через

несколько секунд упавшие карты всплывают и сами возвращаются в кольцо.

— Что-то я тебе не верю, — ворчу я, стараясь не прочесть в выражении лица Вьюджи насмешки или подавляемого смеха. Все это выглядит... круто, конечно, но не полезно. Это все равно просто карты. Не найдя в себе новых знаний, я задумалась о том, что еще можно попробовать. Я могла бы еще немного поиграть с ними, посмотреть, не станет ли управление ими менее сложным, если еще немного поработаю с ними, но, как бы хорошо я ими не управляла, это не будет иметь значения, если я не буду иметь хоть малейшего представления о том, что они должны делать.

По прихоти я снимаю правую перчатку и провожу картой по кончику пальца. Я с шипением вздрагиваю, когда меня слегка колет. Затем все становится... странным. Это не более чем маленький порез от бумаги, но капелька крови все равно стекает по карточке, вытекая из устья маленькой ранки и окрашивая ее. Карточка впитывает капли, как жаждущая по дождю почва, и черно-белое изображение окрашивается в новый цвет - не красный, а изумрудный цвет моей магии, медленно просачиваясь в белый фон и заменяя его. Его абстрактный рисунок тоже меняется, превращаясь в знакомые тонкие кости и разбросанные перья Смерти.

И, наблюдая за происходящим, я начинаю ощущать эту карту тем же новым чувством, каким ощущаю внутреннюю боль и разложение окружающих меня людей. Внезапно я убеждаюсь, что она несет в себе что-то очень плохое, и я не могу объяснить, в чем именно заключается и что она несет. Очень осторожно я возвращаю ее на орбиту.

— Эй, Вьюджи... — я колеблюсь, а затем вынужденно задаю вопрос, прежде чем успеваю решить, что ответ мне не нужен. — Наверное, мне следовало спросить раньше, но как узнать, что именно это делает?

У каждого Хранителя есть своя сфера влияния, форма, которую принимает их магия, и набор вещей, которые они могут делать. Что касается того, как они узнают, в чем она заключается, и насколько они могут влиять на ее формирование, я знаю не так уж много.

Посланница наклоняет голову, изучая меня с, похоже, искренним любопытством.

— Интересно. Попробуй обратить свое сознание вовнутрь. Изучи свою душу, и она подскажет тебе, что нужно знать.

— Хм, хорошо. Думаю, я смогу это сделать.

Почувствовать силу, текущую через меня, так же просто, как заставить свое тело двигаться, но детальный осмотр собственной души вызывает некоторую дезориентацию, как если бы я попыталась спроецировать свое зрение с точки зрения стороннего наблюдателя. После некоторого замешательства я все же начинаю понимать, что под тошнотворно-сладким запахом собственной болезни, где-то глубоко внутри бесконечного колодца, из которого бьет ключом моя магия, есть... нечто гораздо большее, чем запахи разложения вокруг меня. Это не просто ощущение-впечатление, это образ, набор абстрактных мыслей и поэма, написанная

словами-которые-не-являются-словами, причем все это одновременно, каждый элемент головокружительно переплетается со всем остальным.

Зловещие ветра. Жестокая и капризная судьба.

Испорченная кровь. Искаженный аркан.

Зеленые вены внутри теневого контура моего тела, извивающиеся и выползающие за его пределы с крошечными ртами, похожими на пиявок.

В этом кроется нечто большее, слои, которые я пока не могу понять, но, чем рассматривать все детали по отдельности, лучше видеть картину целиком, и эта картина, похоже, говорит мне следующее...

— ...Вьюджи, если я каким-то образом создала все это, если Хранитель творит магию, то почему моя основана на том, что я бы предпочла в последнюю очередь?

Проклятия, недуги, неудачи. Болезни, если говорить по существу.

— Скажи, а чем еще это может быть? — спрашивает она. Она уже знала, о чем я говорю - должно быть, у нее есть свои магические органы чувств, с помощью которых она изучает меня. Вероятно, она знала, что я увижу, еще до того, как я спросила, как это узнать. — Ты дала Обещание пережить свою болезнь, поэтому сила твоей души отражает это желание. Все это исходит изнутри тебя. Я не выбирала и не даровала ее тебе свыше. Я лишь открыла дверь.

Она вздыхает - это второй настоящий звук, который я от нее слышу.

— Некоторые из моих детей начинают... с конфликтных отношений со своей магией. Ты должна поверить мне, когда я говорю, опираясь на свой богатый опыт, что каждый Хранитель получает то, что им нужно. К сожалению, наши потребности и желания не всегда полностью совпадают, не так ли? Когда-нибудь ты поймешь, почему ты такая, какая есть. Так всегда и происходит.

Это совсем не помогло. Разве что...

— Это же не значит, что я могу просто вылечить себя и покончить с проблемой, не так ли?

Вьюджи на мгновение замолчала. Ее лицо опускается. Наконец, она медленно качает головой.

— Подумай: можешь ли ты использовать свою магию, чтобы стереть ее происхождение? Может ли змея съесть себя целиком? Я не уверена, что это невозможно, но... сомневаюсь. Прости меня, Лиадэйн.

Очевидно. И зачем я заволновалась?

— Хорошо. Отлично. Выбора все равно нет, я думаю. Если это работает и может дать мне то, что мне нужно, я смогу к ней привыкнуть, — а если нет, то ничто из того, что она скажет, не изменит этого. — Кстати говоря, есть ли еще что-нибудь, что мне нужно знать в данный момент? Если нет, то я хочу пойти и убить этого Предвестника. Может, тогда мне станет легче.

Вьюджи мгновенно загорается при этих словах.

— Конечно. Остальное может прийти только со временем, с опытом, с исследованиями... Хотя, вот еще что. Учить Хранителей иначе, чем через опыт, сложно отчасти потому, что в Ранах Предвестников все устроено иначе. Трудно предсказать или описать, какими они могут быть.

Верно... Она уже несколько раз упоминала Раны. Там, где Предвестники пускают корни, они что-то делают с окружающим миром. Они открывают дверь в другое пространство, или затягивают своих жертв в свой разум, или начинают перекраивать участок существования в нечто более подходящее для своих нужд. Чтобы вступить с ними в борьбу, Хранитель должен войти в это место. Я не понимаю тонкостей за этим процессом. И не знаю, понимает ли это кто-нибудь.

— Насколько иначе? — спрашиваю я.

— Рана - это пространство, чьи формы и правила... не до конца определены. Нестабильное. Изменчивое. Реагирующее в первую очередь на желания своего создателя, а также на волю и магию вторгшихся Хранителей. Как это будет выглядеть, во многом зависит от Хранителя. Проще говоря, Предвестник превращает окружающий мир в оружие, но ты можешь обратить его себе на пользу. Воздействовать на ткань реальности так, как ты не могла бы здесь, превратить саму Рану в... новый вектор движения для себя. Да, похоже, это наиболее подходящий для тебя вариант, — говорит Вьюджи.

— ...Хорошо. Замечательно. Я же всегда только и мечтала о том, чтобы поделиться с миром Чумой Лиадэйн.

Ее восторженная улыбка становится неловкой.

— Если это тебе принесёт облегчение, не думай, что ты делишься или распространяешься этим. Ты возьмешь свое бремя и переложешь его на монстров, которые уничтожат множество человеческих жизней, если ты этого не сделаешь. Лучше они, чем ты, нет?

— Спасибо за это понимание. Я тебя ненавижу.

— Я делаю то, что могу. И я всегда буду любить тебя, что бы ты ни чувствовала.

— Раз уж ты это сказала, то ловлю на слове, и постараюсь быть как можно проблемной. Я не успокоюсь до тех пор, пока ты не будешь проводить каждую минуту вдали от меня, с ужасом ожидая, какой ужасный, кошмарный беспорядок я устрою в этот день.

Вьюджи моргает – впервые я вижу, чтобы она так делала, – затем просто опускает руку и пожимает плечами.

— Обещания – это святое. Мы никогда не говорим того, чего не собираемся сдержать. И все же, если тебе что-то еще понадобится или нужно будет узнать, зови меня. Неважно, когда и для чего. Пока ты в пределах моей досягаемости, я буду рядом с тобой, как и со всеми моими детьми.

— Отлично. И насчет того, чтобы присматривать за мной во время сна, все еще в силе. Если это все, то... пока.

— Удачной охоты, Лиадэйн, — и снова она исчезает в один миг.

Я со стоном спрыгиваю с кровати и становлюсь лицом к окну. Не успеваю я посмотреть на город или обдумать свой следующий шаг, как в тусклом дневном отражении вижу нечто: два неестественно ярких зеленых глаза смотрят на меня.

— Это что, навсегда? — спрашиваю я, а потом вспоминаю, что разговариваю сама с собой. Ладно, а как убрать магию, когда ты с ней уже закончила?

Как только я формирую намерение сделать это, костюм исчезает во вспышке тени и бледного света, заменяясь одеждой, которая была на мне до этого. Сила во мне угасает, но не исчезает полностью, а незримое чувство сходит на более низкий уровень. В отражении зеркала, висящего над комодом, мои глаза те же грифельно-серые, что и всегда. "Хорошо. Фух." Странные глаза – это из тех вещей, которые Проявление может сделать постоянными в скором времени – это самое незначительное изменение. Но я буду беспокоиться об этих неудобных вопросах, когда они появятся.

Пока же моя первая охота должна доставить мне более чем достаточно хлопот. Я попрощалась с Пёрл, устроила для нее маленькое гнездышко из одеяла и направилась обратно в комнату мистера Энфилда.

~~~

Я ощущаю комнату раньше, чем вижу ее, несмотря на то, что мои новые органы чувств сейчас притуплены. Далекое, неясное беспокойство, которое, возможно, испытывали древние люди, когда вглядывались в ночь и гадали, что же смотрит им вслед.

Когда я добираюсь до двери, она все еще остается просто дверью, но это уже не так

успокаивает, как вчера вечером. Ощущения от Предвестника теперь более четкие, хотя и далеко не идеальные. Это не вонь, которую я почувствовала от узлов разложения внутри других пациентов, но что бы это ни было... Вьюджи была права. Я уже поняла, что никогда не смогу перепутать это ни с чем другим.

В холле больше никого нет. Я слабо ощущаю присутствие нескольких человек в своих комнатах или за углами, но сейчас я одна. Затаив дыхание, я открываю дверь и делаю полшага, но ничего ужасного из нее не вытекает.

На первый взгляд, внутри тоже ничего не таится, но меня встречает прием иного рода. Ужас, наполняющий комнату, имеет почти физическую тяжесть, давит, как при сильном ветре. Используя полуоткрытую дверь как щит, я осматриваю все, что видно от входа. Ничего необычного. Медленно открываю ее пошире и заглядываю за угол. По-прежнему ничего. Наконец, я проскальзываю внутрь, и дверь с щелчком захлопывается за мной.

Как бы я себя здесь ни чувствовала, но никаких признаков того, что Предвестник все еще здесь, я не обнаружила. Кроме задержавшейся ауры, нет никаких признаков того, что он вообще здесь был. Комната как комната, источника зловещего воздуха в ней нет, как нет и участка, где он сильнее, чем в другом месте. Я заглядываю под кровать, распахиываю дверцы шкафов, даже начинаю заглядывать в ящики, ища какие-нибудь странные цветные пятна или резкие скачки напряжения в атмосфере. Не везет, если это можно назвать "везением".

Нет ничего даже подозрительно неуместного. Вещи мистера Энфилда все еще здесь. Его семья еще не приехала, чтобы забрать их, и пока комната, вероятно, выглядит так, как он ее оставил. Фотографии в рамке, распечатанные отзывы о его ресторане, бинокль на тумбочке. Письменный стол переставлен к стене напротив кровати. На нем стоит небольшой телевизор и, как ни странно, какая-то игровая приставка.

Осмотр местности в поисках улик, как в обычном детективе, похоже, зашел в тупик. Может быть, его тело сказало бы мне больше, если бы я его увидела. Когда его увезли, доктор Хайнс выглядел встревоженным, что не вышло с очередной смертью в месте для умирающих, а Вьюджи сказала, что следы Предвестников сильнее всего проявляются вокруг их жертв и гнезд. Она решила, что этот был "новорожденным", что бы это ни значило для Предвестника, так что он либо появился где-то поблизости и вскоре ушел, либо просто проходил мимо, когда я его обнаружила. Возможно, у него нет особой связи с этой комнатой, но она могла бы быть связана с кем-то, кого он убил.

Может, стоит пойти и проверить его? Возможно, он все еще находится в подвале больницы, но морг, очевидно, заперт. Я не могу просто войти и посмотреть, даже если захочу. Хотя... У хранителей есть широкие полномочия участвовать в расследованиях и осматривать места преступлений, если у них есть основания полагать, что здесь замешана магия и монстры. Правда, чтобы разыграть эту карту, мне придется выдать себя или, по крайней мере, дать знать городу, что в больнице или ее окрестностях появился новый ребенок.

На ум приходит увядающее поле цветов за окном. Не хотелось бы начинать изучать трупы, если это возможно.

Отложу это на время, что еще у меня есть? Предвестника здесь больше нет, так куда же оно делось? Если бы оно отправилось куда-то еще по больнице, вряд ли я была бы единственной, кто с ним столкнулся. Оно нашло бы кого-нибудь другого, и это место было бы в срочном порядке оцеплено. Если только оно не маскирует свои нападения под естественную смерть, достаточно правдоподобную, чтобы одурачить группу врачей и патологоанатомов, что звучит безумно, даже когда я об этом думаю.

Но так ли это на самом деле? Жертвы часто срываются с цепи так, что невозможно не оставить улик, хотя некоторые из них действительно просто умирают. Чтобы проверить такое, оно должно было бы убивать очень тихо и понимать нашу психологию. Конечно, Предвестники, как правило, не являются бездумными, буйными монстрами. Они могут быть зверски умны, но не так, как человек... верно? На школьных уроках по безопасности много говорилось о том, чего они не могут делать и не делают, но ничего о том, чем они на самом деле являются, и чем больше я думаю об этом, тем меньше уверенности в том, что я могу исключить эту идею. Кто знает, что возможно, а что нет в случае с Предвестниками?

И все же, по крайней мере, более вероятным кажется, что он покинул здание.

Окна мистера Энфилда выходят на северную половину Холмов, самого западного района Нью-Клариса. За исключением больницы и расположенного поблизости университета, большая часть этого района представляет собой рыхлые дома. На окраине города земля уходит в поросшие деревьями холмы, которые занимают большую часть северо-западной границы, но и наша сторона еще не полностью застроена. Несколько темно-зеленых прожилок все еще пробиваются сквозь яркий городской пейзаж. Они не позволяют им разрастаться дальше, но и не ухаживают за ними, как за парками. Люди хотели сохранить хотя бы немного неухоженной дикой природы, в которой безопасно бродить.

Я приоткрываю окно до упора, примерно на 15 сантиметров. Холодный воздух обдувает меня, и неестественное давление становится немного сильнее. Теперь я в этом уверена. Где-то в городе подо мной Предвестник ищет себе новое пристанище. Здесь нет следов, нет зловонной дорожки, тянущейся по стене здания, но мне кажется, что если я выйду наружу и найду основной ориентир, то смогу по запаху проследить за ним до его нового гнезда.

Наружу. Верно. Мне все еще не разрешается покидать территорию больницы, но я ведь не могу больше следовать этому правилу, не так ли? Простите, доктор Хайнс. Простите, доктор Хайнс. Простите, любой, кто читал мне нотации о том, что я делаю глупости вопреки рекомендациям врача.

Если подумать, стоит ли мне еще беспокоиться об этом? Вялость, которая всегда тяготила меня, никуда не делась, даже после трансформации. Холодное, жгучее онемение все еще ползает по моим суставам, и меня все еще лихорадит. Это был бы пранк вселенского масштаба - заключить Обещание только для того, чтобы при первом же выходе на улицу свалиться от какого-нибудь гриппа.

В конечном счете, Хранители - это все еще человеческие дети в большей или меньшей степени. Некоторые из них могут совершать невозможные спортивные подвиги, которые заставляют их

казаться особенными, но только если у них есть подходящая магия для этого. Моя... очень не подходящая магия. Я никогда не буду поднимать машины или прыгать по крышам, наверное, но...

Я закрываю окно и наблюдаю за коридором снаружи с помощью своего духовного восприятия. Когда мне кажется, что все чисто, я возвращаюсь в свою комнату и достаю из кармана маленькую красную табличку с надписью "Пожалуйста, не беспокоить!". Я хочу уединиться, пока впервые пробую использовать эту силу.

Если я не смогу вылечить себя, то, может быть, хотя бы смогу не подхватить ничего нового.

Осторожно я нащупываю силу, текущую через меня, теперь уже скорее постоянным потоком, чем нескончаемыми волнами. Я не знаю точно, на что я способна, не открывая шлюзов, но если суть моей магии заключается в контроле над болезнями, тогда то, что я хочу сделать прямо сейчас, не должно быть слишком сложным. В любом случае, будет полезно выяснить, как далеко я могу зайти в этом состоянии.

Попытка управлять потоком не похожа ни на что из того, что я делала раньше, но какая-то новая часть меня все же умеет это делать, пусть и не очень хорошо. Как будто моя душа - это многоцветное море, в котором плещутся мои мысли и чувства, абстрактные и бесформенные. Оно отражает мой душевный ритм, поэтому, приложив некоторые усилия, я могу направить его течения, вызвать на поверхность нужные мне чувства, а затем вызвать их и раскрасить мир в их цвета. Весь этот процесс кажется мне смутно нереальным, как будто я вижу сон наяву.

Мне не нужно произносить каких-то специальных нелепых слов, не нужно вообще ничего делать - все это отвлекает от того, что действительно важно. Я просто молча варюсь в мыслях о том, что заперта в этой клетке, что прячусь от посторонних глаз, чтобы неверный вздох не убил меня, и позволяю этой мысли отдаваться эхом и стучать в моем сердце.

Когда же кажется, что для моей горечи больше нет места, я выталкиваю ее наружу, и моя сила следует за ней. Она просачивается вверх из своего внутреннего источника и оседает в виде тонкого, расплывчатого тумана, окутывающего меня, все еще неся в себе холодную обиду, которую я использовала для ее создания. Это не значит, что эмоции куда-то исчезли. Она сильна, как никогда, как и "выпуск пара" с помощью криков и ударов, которые только дольше удерживают злость.

Но когда они утихают, магия все еще остается, и я знаю, что у меня все получилось. Этот туман поглотит любую обычную инфекцию прежде, чем она доберется до меня, и я уверена, что смогу удерживать его столько, сколько захочу. Нужно только не забывать об этом, поддерживать его крошечным мысленным усилием.

Сколько всего мне было запрещено делать после первой трансплантации? Ходить в общественные и людные места. Гладить животных. Гулять в лесу. Есть сырую рыбу и сырой мед, или собирать яблоки и есть их на месте. Все эти вещи вдруг снова стали для меня открытыми. Впервые за много лет, в этой небольшой борьбе, я победила.

...Но мне все еще нужно выписаться из больницы.

Наверное, не стоит слишком задумываться об этом. Хотя я и хочу избежать подозрительного внимания, но медсестры все равно не патрулируют седьмой этаж в поисках сбежавших. Здесь вообще никого не запирают. Учитывая мой возраст, они должны найти меня и вернуть обратно, если я сбегу, но я никогда раньше не делала ничего подобного. Они не должны быть особо бдительными. Лучше сделать вид, что я не замышляю ничего необычного.

В моей комнате на стене у кровати висит трость, которую я держу для плохих дней. Я не люблю ею пользоваться - это все равно что признать, что мое место здесь и всегда останется таковым, - но это лучше, чем целый день сидеть в постели или спотыкаться и сломать себе что-нибудь, а если я собираюсь рисковать жизнью, охотясь на монстра, то лучше иметь ее под рукой. Я накидываю теплый кардиган, который никак не спасает от окружающего меня прохладного тумана, машу Нойрин, проходя мимо художественного кабинета, и сажусь не в свой привычный угол, а в холл возле лифта. Как только в лифт заходит навесившая больных семья, я тихонько присоединяюсь к ней. На стойке регистрации стоит коробка с белыми масками для посетителей, так как многим из нас нужно быть осторожными, чтобы ничего не подхватить, и я кладу одну в карман, когда выхожу. Она мне больше не понадобится, но если кто-нибудь потом заметит мое отсутствие, я скажу, что просто пошла посидеть в больничном саду. Они будут меньше меня беспокоить, если я хотя бы скажу, что приняла меры предосторожности.

~~~

С первого этажа до северного выхода рукой подать. Это направление - моя главная зацепка. Окно мистера Энфилда выходило на север, и Предвестник ушел так, что не пронесся через всю больницу. Возможно, неправильно думать, что он перемещается в пространстве способом, который я могу проследить, но это единственное, что у меня есть.

По-видимому, его след действительно проходит по какому-то пути. Вскоре я снова уловила запах миазм. Не намного сильнее, чем наверху, но он определенно есть, давит на меня откуда-то с севера.

И я впервые за почти месяц покидаю территорию, следуя туда, куда ведет этот след. С момента заселения я почти не спускалась с седьмого этажа, и прогулка под открытым небом могла бы показаться странной сама по себе, если бы этот прошедший день не был таким же странным. Это ясный, сухой весенний день, но все еще достаточно холодный, чтобы воздух был немного резким, когда я дышу. Но это приятно. Мне всегда нравилась такая погода, когда прохлада ощущается достаточно комфортно даже под парой легких слоев одежды. Теперь, когда я могу спокойно покинуть свою комнату, у меня есть время насладиться ею, прежде чем лето все испортит - если моя магия уберет меня от пылицы, весна может даже стать довольно приятной!

Этой мысли хватило, чтобы на минуту отвлечь меня от того, ради чего я здесь. Потом у меня еще будет много времени, чтобы оценить погоду.

Несмотря на прохладный воздух, солнце светит ярко и сильно, я рада зелени, покрывающей город. Массивный и современный, Нью-Кларис почти поровну разделен между сооружениями и тщательно ухоженными растениями, а деревья, склонившиеся над тротуарами, образуют достаточно плотный навес, чтобы я могла спрятаться под ним. Из-за того, что по западным границам все еще тянется лес, дорога иногда неожиданно делает длинные извилистые повороты, огибая деревья. Путь Предвестника, кажется, пролегает прямо через лес, но ни одного физического следа. Нет ни одной тропинки из сломанных веток и истоптанной листвы.

Но я здесь не для того, чтобы играть в лесу. Я и не могу забыть об этом, учитывая неестественное давление, нарастающее по мере того, как я иду. Я уже почти хочу броситься туда, просто чтобы досадить своей болезни, но это подождет. Я иду по петляющим тротуарам, не повторяя шагов Предвестника. Ощущение усиливается, пока я двигаюсь по общему направлению. Как и усталость, и тупая боль в ногах, хотя мне не показалось, что я так уж много прошла. Это не самый тяжелый день для моего здоровья, и все же моя планка очень низкая.

В конце концов, лесная дорога выходит в район элитных домов. По дороге из больницы было в основном тихо, но жизнь здесь кипит, все бодро идет по своим делам, не обращая внимания на ужасную атмосферу, которую чувствую только я. Здесь не так суетливо, как в центральных районах, но машины и велосипеды проезжают и проносятся мимо, и я прохожу мимо нескольких человек пешком, пока пробираюсь дальше. Один из них замедляет шаг, возможно, пытаясь вспомнить, видел ли он меня раньше или что я здесь делаю, но в конце концов просто продолжает идти.

По мере приближения источника все яснее становятся ощущения, стоящие за ним. Теперь я понимаю, что это не давление. Это отчетливое ощущение вторжения, как будто стоишь в толпе, полной людей, которые упорно игнорируют меня, повернувшись спиной, отказываясь даже признать, что я существую. Там, где пелена силы, которой я окутала себя, была моей горечью, наделенной магическим весом, запах Предвестника заставляет меня чувствовать, что я попала в другой мир, где мне не место и где мне не рады.

Наконец, зловоние приводит меня к холмам на окраине района. Я стою перед каким-то земляным домом, встроенным в склон большого холма так, что все, что я вижу, - это ярко-белый овальный фасад со стеклянной дверью и несколькими широкими окнами. Он достаточно высок, и два окна второго этажа находятся как раз над главным входом.

И Предвестник где-то внутри. Я в этом уверена. Надеюсь, что дома никого не было.

Я оглядываюсь на улицу. Вокруг никого нет, и я превращаюсь в окружении бледного света и танцующей тьмы, которые я видела со стороны во сне. На этот раз все происходит немного проще, и хотя я все еще не чувствую себя хорошо, есть некая легкость, которая приходит вместе с силой, снимая груз боли и усталости, чтобы я могла продолжать двигаться, невзирая на свое состояние. С легкой мыслью я вызываю свои карты, замечая, что одна из них все еще имеет зеленый оттенок, и направляюсь к дому. Входная дверь не заперта, так что...

...Ох. Ох нет.

Как только дверь открывается, я слышу голоса где-то рядом, и присутствие монстра резко возрастает. Внутри темно, несмотря на широкие окна вдоль всей передней стены. Я сглатываю, в горле пересохло.

Сквозь полумрак парадного холла я смутно вижу полы из твердых пород дерева под гладкими белыми керамическими стенами. Голоса доносятся чуть дальше, где холл переходит в широкую, ярко освещенную гостиную. Цвета Предвестника не видны, но в конце я вижу двух человек - мужчину и женщину, сидящих перед камином. Кажется, они меня не заметили. Не знаю, чего я ожидала - рыданий, болезненных стонов или безумного смеха, но они ведут медленный, тихий разговор, слишком тихий, чтобы я могла разобрать его отсюда.

Я нырнула за угол, сердце бешено колотилось. Что мне здесь делать? Предвестник внутри. Его присутствие все еще давит на меня. Поскольку эти люди не разбежались с криками, у меня есть все основания думать, что они испытали на себе его проклятие, что делает их либо случайными свидетелями, находящимися в страшной опасности, либо жертвами, умирающими прямо в этот момент, либо... врагами, которые будут сражаться, чтобы защитить его.

Я шла на это, зная, что это будет испытание огнем, я впервые участвую в чем-то похожем на сражение и впервые использую большую часть своей силы. Я могу причинить Предвестнику столько вреда, сколько захочу, но есть ли у меня способ подавить обычного человека, чтобы не убить его или сделать еще что похуже?

Это только в самом худшем сценарии. Я все еще готова это сделать. Я должна. Я хочу жить, а в сердце этой твари хранится единственное лекарство, которое может меня спасти. Я обязательно спасусь.

— Лиадэйн.

Пока я размышлял о своем подходе, из ниоткуда появилось лицо, холодное, неподвижное и белое, как мраморная статуя. Я зажимаю рот рукой, подавляя шокированный вскрик, и только потом вижу его полностью - на меня смотрит лицо Вьюджи, скрытое волосами-усиками и огромным капюшоном.

— А, это всего лишь ты, — вздыхаю я. — Так ли уж необходимо так появляться?

— Боюсь, что да. Прошу прощения, — говорит она. Ее мысленный голос звучит приглушенным сценическим шепотом, а ее плоское выражение лица никак не выдает ее раскаяния. — Прежде чем ты пойдешь дальше, я должна сказать тебе еще одну вещь. Когда ты собиралась уходить, я сказала тебе, что приду, когда бы ты ни позвала, лишь бы ты была в пределах моей досягаемости. Здесь как раз предел, до которого я могу дотянуться. Устье Раны совсем рядом, и я не могу следовать за тобой через него. Как только ты перейдешь в мир Предвестника, ты будешь потеряна для меня, пока не выйдешь из него. Дальше ты сама по себе.

— Значит, ты будешь рядом со мной всегда, когда бы я ни нуждалась в тебе, за исключением случаев, когда я окажусь в самых возможно ужасных мест? Ну конечно, — шепчу я в ответ.

— Будет очень, очень плохо, если проклятие Предвестника коснется Посланника. Плохо для нас, для тебя, для всего мира. Я ничего не могу с этим поделать, но ты должна узнать об этом раньше.

В этом... есть смысл, конечно, но это не делает мою ситуацию лучше.

— Есть ли какие-нибудь полезные напутствия?

— Я не должна оставаться здесь надолго, и я не знаю, что будет на той стороне. Просто...

Нас прерывает шум изнутри: мягкие, влажные звуки чего-то ползущего по болоту, в точности как я слышала вчера вечером за дверью мистера Энфилда. Вьюджи гримасничает и качает головой.

— Просто будь осторожна, — говорит она и исчезает.

Что ж, в конечном счете, это мало что меняет. Я ожидала, что буду делать это одна, активно отказываясь от помощи и наставничества. Если хочешь сделать, что-то путное, сделай это сам.

И вот я в логове монстра. Я не врываюсь туда, не оглашаю себя и не заявляю, что спасу положение — я просто вхожу в гостиную, прежде чем утратить решимость сделать это. Что будет дальше, я узнаю, когда пойму, насколько все плохо.

Внутри разговор на мгновение затихает. На смену ему пришел другой звук — слабый треск или хруст. Когда этот звук прекращается, женщина откинулась назад и вздохнула.

— Отвратительно, — говорит она слабым и приглушенным голосом.

— Действительно, — хрипло соглашается мужчина. — Невыносимо. Именно это нам и было нужно.

Мои шаги на удивление легкие, но не настолько, чтобы он их не услышал. Когда я приближаюсь, мужчина смотрит на меня через плечо. Темноволосый, лет тридцати, но... выглядит он так, словно не ел несколько недель и был близок к смерти, как любой на седьмом этаже. Черты его лица осунувшиеся, глаза красные, а вокруг рта — серая грязь, засохшая и пыльная. От них обоих веет гнилостно-фруктовым смрадом, присущим больным людям, и всепоглощающей аурой Предвестника.

— А, я и не знал, что у нас будет гость! — мужчина приветствует меня с большей энергией, чем он может выжать в своем состоянии, и, как только он произносит слова, тут же заходится кашлем. При каждом хрипе вылетает крошечная пылинка. — Да еще и Хранитель? Какая честь. Впрочем, здесь тебе не о чем беспокоиться.

— Я... Что с вами случилось? — слабо спрашиваю я.

— О, не беспокойся об этом. У нас все в порядке. Скоро нам станет лучше, чем когда-либо. То, что тебя не убивает, делает тебя сильнее, верно? — он пытается улыбнуться, но под тусклыми глазами его выражение лица становится лишь более бледным и слабым, и меня не покидает ощущение, что он смотрит не на меня, а сквозь меня.

Что оно сделало с ними? Что они сейчас видят?

Я стискиваю зубы и обхожу вокруг дивана. На коленях у мужчины что-то лежит. Комок глины, слегка влажный. На нескольких больших кусках вырезаны следы, похожие на следы зубов. На журнальном столике перед ними лежит массивная бесформенная куча той же глины. Она двигается как живая, бесцельно корчится и... хихикает сама по себе, смеется, как ребенок во время игры. Нет ни рта, ни черт лица, вообще ничего, что могло бы издавать этот звук.

— Мы ведь не нагрубили тебе, мисс? — прохрипела женщина. Она находится в таком же ужасном состоянии и говорит с трудом, откусывая кусок глины. — Мы бы предложили тебе немного, но...

Она смотрит на меня сверху вниз, и в этих впалых глазах... не жалость нормального человека к маленькой трагически умирающей девочке, которую я видел у сотни разных людей. Почти наоборот. Она улыбается, но я почему-то уверена, что на ее лице - зависть.

— Ну, я не думаю, что тебе нужно что-то, что оно может предложить. Ты и так почти идеальна! Так что... почему бы... — она что-то проглотила, издав звук, как будто в дыхательное горло попала вода. Приступ удушья еще не прошел, как она снова заговорила. — Почему бы тебе просто не уйти?

...Они говорят, что я слишком больна, чтобы Предвестник меня съел? Сколько его в них? Может ли оно выражать себя через своих жертв или это все просто безумный лепет? Впрочем, это не имеет значения. Сжав кулаки, я начинаю обыскивать остальную часть комнаты. Нужно убить тварь, прежде чем я смогу что-то сделать для этих двоих.

Вот оно. На полу перед камином - широкая темная дыра в мир. Из нее, как дыхание, вырывается горячий воздух, а в черноте плавают яркие символы, очень похожие на те, что изображены на обратной стороне моих карт. Пол вокруг него плывет цветами и фактурой Предвестника, и все больше этой живой глины медленно вытягивается из хаоса и ползет к большей массе на столе.

Значит, это Рана. Разрыв в мире, место, где монстр столкнулся с реальностью и породил нечто уникально ужасное, где даже моя собственная сила приобретает новые странные черты, о которых я не узнаю, пока не испытаю на практике.

И я знаю, что я должна здесь делать - что я должна буду делать и дальше, если хочу жить.

Прежде чем жертвы скажут что-нибудь еще, прежде чем я смогу отговорить себя от этого, я разгоняюсь и прыгаю в нору.

<http://tl.rulate.ru/book/88302/3466233>